

НАСТОЯЩИЙ МУЖИК

ИСТОРИЯ ПАРНЯ ИЗ

АНТИКАХ

Содержит
18+
цензуру
по лексике!

СКОТ ЯН

Скотт Ян
Настоящий мужик.
История парня из Anthrax
Серия «Боги метал-сцены»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68634045

Настоящий мужик: история парня из Anthrax:

ISBN 978-5-04-178417-1

Аннотация

Перед вами увлекательнейшая история о том, как простой еврейский мальчик стал одним из родоначальников музыкального жанра. Скотт повидал многое, фактически на его глазах формировалась легендарная группа METALLICA, с музыкантами которой он крепко дружит по сей день – даже предисловие написал его закадычный друг Кирк Хэмметт. Образованные в 1981 году, ANTHRAX наряду с METALLICA, SLAYER и MEGADETH являются одними из представителей «Большой Четверки». Все четыре команды в середине 80-х добились коммерческого успеха, выведя в массы музыку, которая, казалось бы, обречена остаться в андеграунде.

Скотт Ян пользуется непререкаемым авторитетом в мире тяжелой музыки и по праву является заслуженным ветераном жанра. В этой книге он увлеченно и весело рассказывает о детстве и юности в грязном Нью-Йорке 70-х, взлетах и падениях

ANTHRAX: вы проследите весь путь группы от школьных выступлений до концертов на стадионах во всем мире.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	6
Предисловие	11
Пролог	22
Глава 1	36
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ян Скотт

Настоящий мужик:

история парня из Anthrax

**I'M THE MAN: THE STORY OF THAT GUY FROM
ANTHRAX**

Scott Ian

Copyright © 2014 by Scott Ian and Jon Wiederhorn

Photos courtesy of Scott Ian except where noted

This edition published by arrangement with Da Capo Press, an imprint of Perseus Books, LLC, a subsidiary of Hachette Book Group Inc., New York, New York, USA.

All rights reserved.

© С. Ткачук, перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Посвящается Перл и Ревелю...

*Я знаю, кто я и кем буду всегда. Вы – большее,
чем я мог мечтать.*

*Все мои страхи рассеются как дым, и я встану
и сражусь ради вас с целым миром...*

Благодарности

Начну с семьи, без которой последние четырнадцать лет моя жизнь была бы совершенно другой.

Перл, благодаря тебе я каждый день чувствую себя супер-героем. Я – как дикий Халк: «Чем счастливее Скотт, тем сильнее!!!» Сила моей любви к тебе не сравнится ни с чем на свете. Мы – *лучшие*. Люблю тебя. Спасибо Ревелю, любимому мальчику, крутому парню, моему мохнатику (спасибо, Перл)... папочка тобой очень гордится. Люблю тебя. Продолжай зажигать, чувак! Нас трое, а это число магическое.

Спасибо маме за постоянную заботу (она же «еврейская мама»), и спасибо, что пахала как Папа Карло, чтобы вырастить двух замечательных детишек.

Папа, ты всегда был моей опорой, и без тебя я бы ничего не добился. Риа, о лучшей мачехе я не мог и мечтать и рад, что ты у меня есть.

Братьям Джейсону и Шону. Вы – олицетворение *настоящего мужчины*. Вы всегда меня поддерживали. Люблю вас, братишки.

Спасибо дяде Митчу, что привил отличный вкус к музыке и комиксам. Ты был моим проводником...

Тете Поле и дяде Стю, настоящим безумцам. Ваши творческие/художественные пристрастия явно мне передались, и спасибо за дизайн первого логотипа Anthrax!

Спасибо чувакам, с которыми я джемовал впервые в жизни – Нилу Стополу и Дейву Уайссу.

Миллион лет назад в средней школе Бейсайда я услышал о парне, который умел идеально подбирать на гитаре аккорды к любой песне. Его называли Бетховеном, он же Дэнни Лилкер, и именно с ним мы воплотили нашу мечту в жизнь. Без Дэнни не было бы Anthrax.

Другим моим братьям – Чарли и Фрэнки. Мы – ядро по определению: *центральная и самая важная часть объекта, движения или группы, формирующая основу ее активности и роста*. Вы пережили со мной взлеты и падения, выпавшие на долю нашей группы за последние тридцать лет. Ого! Звучит чересчур серьезно! Я счастливый ублюдок, которому повезло играть с вами в одной группе больше тридцати лет. Вы только посмотрите, каких вершин мы добились, мать вашу!!! Обожаю этих парней.

И моему брату, голосу Anthrax, Джоуи Белладонне. В 1984 году ты спел нам, и вместе с Чарли, Дэнни, Фрэнки мы потрясли весь мир!!! Выпустив в 2011-м альбом «Worship Music», мы вновь смогли перевернуть мир! Я безмерно люблю и уважаю тебя. Пью за то, чтобы мы жгли еще лет двадцать, дружище!

Роб Каджиано, ты, как и все мы, вкалывал до последней капли пота. Я тобой очень горжусь и рад за тебя. Так держать! Продолжай отжигать, братишка!

Джону Бушу. Я писал эту книгу и вспомнил то время

в Нью-Йорке, и лицо озарила широкая улыбка. Временами казалось, будто мы сидели в окопах, но с вами никогда не было страшно. И моему корешу Полу Круку. Сэр, вы и есть воплощение металла.

Кстати, Джонни Зи, спасибо, что поверил в нас. Ты – истинный крестный отец трэша.

Огромное спасибо Мисси Каллаццо, Майку Монтеруло, Эду Транку и Марии Ферреро не только за дружбу, но и за то, что вы готовы сделать для нас все возможное и невозможное. Люблю и уважаю вас.

Друзьям и «ценным игрокам», пришедшим на помощь и не давшим этому механизму остановиться: Джоуи Вере, Андреасу Киссеру, Джону Детти, Джейсону Биттнеру, Джину Хоглану. Все вы спасли мне жизнь.

Выражаю уважение, благодарность и признательность всем дорожным техникам, которые с 1984 года рвут ради нас свои жопы. И нашему самому первому роуди Джо Аллену. Спасибо, чувак!!!

Ребятам из Metallica, Black Sabbath, KISS, Iron Maiden, Оззи, Motörhead, Dio, Pantera. Для нас всегда большая честь выступать с вами. Спасибо.

Какая может быть наркота, когда у меня были Стэн Ли, Джин Симмонс и Стивен Кинг? Вы показали мне другие миры, не похожие на тот, в котором я вырос. Я выбрал этот путь благодаря вам. Спасибо.

Чаку Ди. Благодаря тебе сбылась моя мечта. Наше сотруд-

ничество не забудут никогда. Уважаху, братишка.

Спасибо Рикку Криму, Брюсу Гиллмеру и Эрику Люфту-глассу за то, что верили в меня и дали работу, когда она мне позарез была нужна!

Было весело и увлекательно работать над этой книгой с Джоном Уидерхорном и моим редактором Беном Шаффером. Спасибо, парни! И спасибо Джиму Фицджеральду за работу и всему издательству Да Саро за преданность и профессионализм.

Моим закадычным друзьям: Энди Бьюкенену, Майку Темпесте, Джону Темпесте, Доминику ДеЛюку, Заку Трону, Марку Джонсону, Марку Пашке, Ричу Россу, Уиту Крейну, Тиму Макглинчи, Брайану Посену, Дэвиду Кэрону, Мэтту Ханрахану, Кори Тейлору, Джо Троману. Должен поблагодарить Anthrax за то, что оказался в нужном месте в нужное время и познакомился с каждым из вас.

Спасибо Кирку Хэмметту за тридцать один год дружбы. И за предисловие к этой книге. Он научил меня всегда оставаться хорошим парнем, несмотря на величину успеха.

Друзьям – Клиффу, Дарреллу, Ронни и Джеффу. Мне вас не хватает, и я безумно горжусь, что знал вас.

Я пишу эти благодарности на 33-ю годовщину Anthrax. *Тридцать три* года! Я невероятно горжусь этим достижением в профессиональной карьере. Всю жизнь я занимаюсь любимым делом и не собираюсь прекращать по одной-единственной причине...

Ради вас. Фэнов. Всех вас. И неважно, были вы с нами с первого дня или же впервые увидели нас, когда мы целиком исполнили альбом «Among The Living» в Небуорте – все благодаря вам. Друзья мои, вы те, кто хочет копнуть глубже и с усердием искать любимую музыку. Все, что достается с трудом, ценится гораздо больше.

Спасибо, что вы со мной.

Люблю вас, маньяки.

Ваше здоровье,

Скотт

Лос-Анджелес, Калифорния

18 июля 2014 г.

Спасибо: родителям Шелдону и Нэнси Уидерхорн, жене Элизабет Каплан, детям Джошу и Хлое, Скотту Яну и Перл Эдей, Хэпу и Марьям Раст, Бену Шаферу, Каролин Собчак, Лиссе Уоррен и всей команде издательства De Capo, Элу Йоргенсену, Джеймсу Фицджеральду, Мэттью Оппенгейму, Крису Стеффану, Джиллиан Лок, Кэтрин Турман, Яну Макфарленду, Эми и Альберту Уилк-Сайдс, Кену Микаллефу и Джеффу Перла.

Джон Уидерхорн

Предисловие

Прыгай в слэм (Кирк Хэмметт)

Все это случилось далеко от места, где я вырос. Когда мне позвонили и пригласили приехать на восточное побережье на прослушивание в Metallica, я выступал в Сан-Франциско со своей группой Exodus. Поговаривали, Джеймс с Ларсом были недовольны постоянным пьянством Дэйва и его выступлениями и хотели выгнать из группы. Оказалось, Марк Уиттакер, бывший менеджер Exodus, был еще и звукарем Metallica, и когда Марк пронюхал, что дни Дэйва в Metallica сочтены, он включил Ларсу с Джеймсом демозапись Exodus, и оба они посчитали, что парень, нарезающий соляки на этой кассете, достоин прослушивания. Этим парнем был я.

Когда Марк забрал меня из аэропорта, я был в ужасе. На улице лежал снег, а я был в кожаной куртке. Никогда прежде я не был за пределами Калифорнии. О том, что в мире существуют другие места, я знал только из фильмов, карт и фотографий, но увиденное по дороге в убогую Ямайку, Куинс, мягко говоря, меня шокировало. В Сан-Франциско раньше редко можно было увидеть целые районы, десятилетиями источавшие преступления, грязь и отходы, но я никогда еще не видел настолько убитого создания человечества, когда мы наконец добрались до местечка под названием «Дом Музы-

ки». Не поймите меня неправильно, это был не какой-нибудь вертеп или мерзкий грязный гадюшник. Все было настолько обшарпанным и ветхим, что оставалось лишь сдавать целые офисные помещения в аренду группам и позволять им делать что хотят, лишь бы платили.

Всюду были разбиты окна, разбросаны горы гипсокартона, бетона, и арматурой можно было запросто выколоть глаз. Марк сказал, что в здании репетируют несколько кавер-групп, поющих песни топ-40, и несколько метал-коллективов. Он сказал, одна из самых тяжелых групп называется Anthrax, и они оказались классными ребятами. «Они нам холодильник подогнали!» – сказал он.

Место, которое мы снимали, находилось на пятом или шестом этаже, а комната наша была огромная, грязная и пустая. В углу находилась огороженная комната поменьше. В главном помещении были только спальные мешки, несколько британских рок-журналов, горы пенопласта из-под коробок для яиц, чемоданы и коробки с бухлом и жрачкой. И холодильник. На полу, конечно же, валялось разбитое стекло. И было холодно – спасибо сломанному обогревателю где-то в недрах здания. Марк сказал мне, что все спят здесь, в большом офисном помещении, а репетируют в огороженной комнате. Я спросил, где остальные ребята, и Марк, указав на огороженную комнату, сказал: «Там они, дрыхнут». На часах было 7 вечера.

Некоторое время спустя в комнату вошел Клифф, и я с

ним поздоровался. Он ответил: «Привет, очень рад знакомству», и я сразу же понял, что этот парень невероятно в себе уверен. За ним вошли Джеймс с Ларсом, и мы поздоровались. С ними я уже был знаком, но не был уверен, помнят ли они меня, поскольку бухали мы тогда знатно. Они спросили, как я долетел и привез ли оборудование. Со мной были усилитель и гитара. Раньше можно было легко провезти абсолютно все что угодно. Я дал носильщику 20 баксов, он прилепил на мой кабинет Marshall наклейку с надписью: «Осторожно! Хрупкий груз», и эта хрень полетела со мной в Нью-Йорк. Забавно было наблюдать, как кабинет застрял на багажной ленте, когда мы с Марком пошли его забирать!

Мы устроили джем в репетиционной и целый час играли несколько песен Mercyful Fate и Metallica. Ларс с Джеймсом постоянно друг другу улыбались, и мне казалось это странным. Я не мог понять, им реально нравится, как я играю, или это «особенный» дух Сан-Франциско. Но мы довольно быстро поладили.

После чего мы ломанулись в местный винный магазинчик, где купили несколько «литрушек»¹, чтобы сэкономить.

Было это задолго до того, как «литрушки» стали популярными. Когда мы вернулись в «Дом Музыки», ребята показали мне, как подкладывать картонную коробку для яиц под

¹ Так называется бутылка пива низкого сорта более 1 литра. Пользуется популярностью у молодежи, так как быстро дает по шарам. Здесь и далее – прим. переводчика.

спальный мешок, чтобы сделать бугорчатую подушку, а не спать на холодном голом полу. Там не было не только отопления, но и горячей воды – только холодная. Мы пили и пытались согреться. Слушали металл, болтали о нем, и я сказал ребятам, что мне дико нравится играть их песни. А потом мы вырубились.

Утром нас разбудили монотонные отзвуки какой-то группы, репетирующей в комнате по коридору. Сначала я подумал, что умер и попал в чистилище. Затем открыл глаза и вспомнил, что нахожусь в «Доме Музыки» с кучкой парней, которых едва знаю. Я посмотрел на Клиффа и увидел, что он читает ролевую книгу «Подземелья и драконы – Зов Ктулху». Я обожаю ужастики и хорошо разбираюсь в творчестве Г. Ф. Лавкрафта, поэтому сказал: «Я знаю эту книгу!»

Он спросил: «Серьезно?» Он всегда так говорил, когда был в чем-то заинтересован.

Я понял, что мы с Клиффом можем подробно обсудить Лавкрафта. Я обрадовался, что нас объединяет не только музыка. Ему, как и мне, нравились фильмы ужасов. Его любимым был «Рассвет мертвецов» Джорджа Ромеро.

Пытаясь натянуть ботинки в ледящем душу холоде, я стремился поскорей увидеть, как этот клоповник выглядит днем. Вышел в коридор и понял, что меня разбудила одна из тех металлических групп, о которых говорил Марк. И я пошел на звуки музыки. Подходя ближе, я услышал, что это действительно был металл. Громкий и быстрый, и гитары

звучали отлично! Немного послушав через дверь, я вернулся в нашу комнату. Когда мы разговаривали с Клиффом, в дверь вошли эти двое. Один выглядел невероятно нелепо в прикиде, как у Джоуи Рамона, а другой напоминал еврейского псевдо-Гленна Типтона. Клифф сказал: «Эй, это ребята из группы Anthrax – Скотт и Дэнни».

И я впервые услышал этот сиплый, хриплый, слегка коварный и дерзкий нью-йоркский акцент Скотта Яна: «Эй, парни, мы вам гриль-тостер притащили!»

Это было 8 апреля 1983 года, тридцать один год и один день назад с момента, как я пишу эти строки.

С тех пор многое изменилось. Но наша дружба со Скоттом осталась неизменной. Со встречи тем холодным утром в «Доме Музыки» до недавних совместных тусовок на «Фестивале Страх» в Сан-Франциско я всегда ценил и восторгался нашей дружбой. Даже несмотря на то, что мы росли на разных побережьях страны, у нас полно общих пристрастий и интересов. Кроме того, у обоих безбашенное чувство юмора, благодаря которому мы вместе спусти все эти годы.

Я сразу же увидел, что Скотт – добрейшей души человек. Он всегда найдет время для каждого, будь ты другом, фэном или врагом. Мне кажется, в какой-то степени он подражал некоторым героям из комиксов, которые мы читали в 1980-х. В отличие от меня он, безусловно, был душой компании – я довольно замкнутый парень. Мне полезно было с ним зависать. Я наблюдал, как уверенно он себя вел и был всегда

дружелюбен к окружающим. Никогда не забуду, как, мучаясь несколько дней в «Доме Музыки» без горячей воды, он убедил знакомых девушек дать нам свой абонемент в фитнес-центр, чтобы мы могли принять душ!

Скотт помог мне немного раскрепоститься. Я был ужасно стеснительным, но видя, как Скотт ведет себя с окружающими, стал чувствовать себя значительно увереннее.

Здорово, что на восточном побережье у меня был союзник в лице Скотта. Да все ребята из Anthrax были невероятно дружелюбны, и мы часто тусовались вместе. Стоило нам приехать к ним в город, мы всегда собирались вместе и устраивали какое-нибудь безумие. Прикол в том, что парни из Anthrax были не такими жесткими алкашами, как мы. Бухая водку, мы ни разу не замечали, что они выпивали один стакан на наши четыре или пять! Но их забавляли наши агрессивные выходки, и они были рады составить нам компанию. Иногда я не мог понять, пьян был Скотт или просто кайфовал от жизни, и, мне кажется, он часто именно так и выглядит. Я восхищаюсь его душевным состоянием; честно сказать, даже завидую.

Скотт всегда нас поддерживал и любил музыку, которую играли Anthrax, Metallica и целое поколение новых металлических групп. Не было ни капли зависти. Было весело и увлекательно. Мы пробирались на неизведанную музыкальную территорию, и для всех нас это был дивный новый мир. Когда мы собрались в тур по США, Скотт очень помогал.

Как-то раз я спросил, можно ли взять его «Рокмен» (аналоговый девайс, который можно подключить к гитаре и играть через наушники), потому что у меня не было репетиционно-го усилителя. На носу был совместный тур Metallica/Raven «Kill'Em All For One», и он ответил: «Конечно!» Эта штука у меня до сих пор, спустя тридцать с лишним лет, где-то лежит, и я по-прежнему собираюсь когда-нибудь ее отдать. Но Скотт всегда готов был прийти на помощь, и такое не забывается.

Когда мы записывали альбом «Ride The Lightning», Скотт приехал в Лондон общаться с прессой по поводу первого альбома Anthrax, «Fistful Of Metal». Как-то раз мы тусили с Клиффом и Скоттом, и Клифф нажрался до такой степени, что не мог подняться с пола и залезть на кровать, а мы со Скоттом ржали и пытались помочь бедняге Клиффу. Но он был высоким и худощавым, и от этого становилось еще смешнее! Потом Скотт повернулся, схватил чайник с водой и вылил его в мой арендованный усилочек Marshall. Он ржал и кричал: «Побалуемся чайком!» Мы себя потом так еще десятилетия вели и до сих пор ведем.

Скотт часто видел наши выступления в тупе «Master Of Puppets». Мы впервые увидели Оззи за кулисами и были в полном благоговении перед ним. Той осенью Anthrax поехали с нами в тур по Европе, и было реально весело – пока с Клиффом не случилась трагедия.

Никогда не забуду, как был расстроен Скотт, когда услы-

шал эту новость. Никогда не забуду, как они с Фрэнки и Чарли ходили с Джеймсом по улицам Копенгагена до трех часов утра. Спасибо им, что не бросили его, когда я сам был в неадеквате. Я не мог совладать с горем и был настолько шокирован, что не мог вылезти из кровати — не то что из номера выйти. Когда Скотт приехал на похороны, я настоял, чтобы он остался у меня на ночь, хотя я жил с мамой.

Скотт всегда рядом, эмоционально и физически. За годы он подсадил меня на кучу всякого классного барахла, и хочется думать, что я его тоже. Он всегда был для меня своего рода культурным показателем. Я спрашивал его, какие новые комиксы стоит заценить. Я подсадил его на некоторые книги, и мы всегда разделяли любовь к музыкальному оборудованию. Именно Скотт рассказал мне об этой замечательной компании, которая производит потрясающие качественные гитары. Компания называлась ESP. Он свел меня с их представителями в Нью-Йорке, и вот я уже на складе, хватаю приставные грифы и говорю одному из парней ESP: «Нет, этот слишком тонкий. А этот слишком широкий». Поэтому спасибо Скотту за мои двадцать семь лет сотрудничества с компанией ESP.

Но, честно говоря, если бы я попробовал рассказать обо всех наших с ним крутых тусовках и грустных моментах, пришлось бы написать еще одну книгу. Мы дружим уже тридцать лет и отлично проводим время. Скотт родился в канун Нового года, поэтому я имел удовольствие отметить с

ним не один Новый год и день рождения. Забавно, что без приключений еще ни разу не обошлось. Выводы можете сделать сами, а пока расскажу еще парочку историй.

У нас есть одинаковые татухи... Не спешите с выводами. Мы решили набить их, побывав на репетиции Van Halen в Лос-Анджелесе. Мы конкретно охренели от этой группы и тусовок с Дэвидом Ли Ротом под пару-тройку бутылочек «Джека»², и оба пришли к выводу, что лучший способ увековечить этот необычный вечер – набить одинаковые тату. И все, кто был с нами, набили такие же. Нет, это не буквы «VN». Это нечто более символичное и связано с тем, насколько Скотт предан друзьям и насколько для него важны определенные события.

И напоследок расскажу об одном не очень прикольном случае со Скоттом, чтобы показать, какие мы с ним друзья. Три года назад мы со Скоттом были на Гавайях с нашими замечательными женами, Перл и Лани. Мы наслаждались отдыхом, пока не узнали, что Японию накрыло огромное цунами и объявлено предупреждение о том, что и на Гавайи надвигается цунами. Никогда не забуду, как Скотт побледнел, услышав эту новость. Мы с женой объяснили ему, что цунами с запада, как правило, теряет разрушительную силу, как только добирается до островов, но он всю ночь торчал у окна и ждал неминуемого разрушения, готовясь эвакуировать беременную жену при первом же признаке угрозы. Когда цуна-

² «Джек Дэниелс» – самый популярный бренд виски из США.

ми накрыло Гавайи, оно было совсем крошечным – не более 30 см в высоту. На следующий день мы поздравили Скотта и Перл с тем, что они пережили свое первое цунами (кстати, предупреждения о цунами – обычное дело для гавайцев. Я пережил четыре).

Самое важное, что я понял в Скотте, – он потрясающий человек. Само собой, он тоже угодил в ловушки, в которых все мы оказались по молодости, а позже научился их обходить. Но несмотря на то, что за десятилетия мы оба изменились, основные элементы нашей дружбы никуда не делись. Я по-прежнему считаю Скотта одним из самых близких и дорогих друзей. Мы с ним через многое прошли – вместе и по отдельности – и стали теми, кем являемся сегодня.

Он сообразительный, забавный, веселый, по-доброму саркастичный, преданный, очаровательный и тот еще авантюрист. Он покладистый, прекрасный музыкант с отличным чутьем и человек достатка и вкуса. Еще он обаятельный, с богатым воображением, прирожденный лидер, и у него есть темная сторона, которой я восхищаюсь. Он здорово выглядит на всех этих телепередачах. Еще он обладает потрясающей способностью откапывать халяву, прекрасно играет в покер, немного хайпожор³ и серьезно относится к тому, что пьет и ест. Я считаю Скотта мудрым почетным жителем Сан-Франциско, бойцом, когда это нужно, отличным риффачом,

³ Человек, использующий широко обсуждаемые темы, события ради привлечения внимания к себе.

любителем «Фернет-Бранки»⁴, замечательным отцом и мужем, фанатом ужастиков и всеобщим воспевателем искусства и жизни. И несмотря на то, что он живет на западном побережье уже двадцать с лишним лет, в нем не исчезла эта нью-йоркская бдительность.

Он – мой кореш.

Готов за него пулю получить. Возможно, даже не одну...

Это его история, написанная им самим.

⁴ Fernet-Branca – итальянский травяной бальзам, относящийся к категории крепких горьких ликеров.

Пролог

Будь я трезвым, всего этого могло бы и не быть. Но так я не нажирался с тех самых пор, как отпраздновал восемнадцатилетие, когда по глупости нахрюкался после бесчисленного количества стопок водки Роров с апельсиновым соком, и давайте просто скажем, что я не отдавал отчета своим действиям. Я с одиннадцати лет был фанатом «Нью-Йорк Янкиз». Отец впервые взял меня на игру в 1972-м, и с тех пор я всегда поддерживал команду, даже когда она лажала. И перед искушением залезть на их тренировочное поле в Тампе, штат Флорида, и стащить в качестве сувенира фирменный круг я, конечно же, устоять не смог.

Я прилетел в Тампу 18 августа 1997 года на гитарное шоу в магазин музыкальных инструментов Thoroughbred Music. Между выступлениями было полно времени, и я неслабо нарезался с Закком Уайльдом, а потом затусил с другом Эдом, который приютил меня, пока я был во Флориде. Он был трезв, и я был с ним, подругой Анджелой и ее сестрой Хезер, которых знал с конца 1980-х. Они единственные из девушек ходили на концерты Anthrax. В два часа ночи мы проезжали мимо стадиона, и я заорал: «О боже! “Поле Легенд!” Я читал в газете, что здесь стоит памятник Турману Мансону⁵. Я

⁵ Турман Ли Мансон – американский профессиональный бейсболист, играл в 11 сезонах в Высшей лиге бейсбола за «Нью-Йорк Янкиз» с 1969 года до своей

должен пойти и увидеть его. Он мой самый любимый игрок “Янкиз”!»

Мы стояли на светофоре, поэтому я начал вылезать из машины. «Эй, стой, – сказал мой приятель Эд. – Завтра приедем, когда будет открыто. Прогуляемся по стадиону, и все согласишь».

Но ждать завтрашнего дня я не собирался. Памятник было видно из окна машины. Если бы он мог говорить, он бы позвал меня к себе. Эд знал, что я в стельку пьян, поэтому быстренько заблокировал двери. Мудрый ход, но я не привык, когда мне отказывают. Когда в детстве мама что-нибудь запрещала, я либо ее уламывал, либо тупо игнорил. Когда все лейблы говорили нам, что Anthrax – не востребовавшая группа, я слал их на хуй. Когда все говорили, что группе настал конец, потому что гранж и альтернативный рок сме- ли металл с лица земли, мы нашли способ выстоять. Слово «нет» отсутствовало в моем словарном запасе, поэтому в подростковом возрасте меня прозвали Скоттом «НЕ» Яном.

Возвращаясь домой с «Поля Легенд», я все думал, как бы вернуться на стадион и заценить памятник. Я решил, когда мы приедем к Эду, Хезер отвезет нас обратно на стадион. Она тоже не пила, но, в отличие от Эда, была готова к авантюрам.

Когда мы приехали домой, было уже часа три утра, и Эд сразу же пошел дрыхнуть. Я уломал Хезер, которой все равно

нечем было заняться, отвезти нас обратно на стадион втихую от Эда. Она видела, как я хочу туда поехать, и согласилась. Она припарковалась у забора перед стадионом и осталась в машине, а мы с Анджелой перелезли через ворота и прошли на территорию. Я сразу же ломанулся к памятнику. Он был залит серебряным лунным светом, отчего Мансон выглядел как божество. Теперь у него были частные посетители, и выглядел он гораздо круче, чем при обычном дневном свете и кучке глазеющих туристов с фотиками. Уверен, Мансон почел бы за честь, что один из его преданных фанатов из кожи вон лезет, чтобы разделить столь личный момент с кумиром и другом. Конечно же, я тоже был пьян. Я сделал несколько фоток, а затем уломал Анджелу пойти со мной заценить стадион.

Мы вошли и спустились по рядам к пышному зеленому травянистому полю. Я стоял на основной базе и представлял себя в полосатой форме с битой в руках, вселяя страх в Джима Палмера, питчера «Ориолс». Я видел, как мяч соскальзывает с его загрубелой руки и летит на базу. Я замахнулся и попал в цель. Мяч пролетел мимо первого отбивающего Эдди Мюррея и устремился в дальнюю часть поля. Я рванул с места, по-настоящему. Оббежав все базы, я в последнюю секунду приземлился в подкате. Поймал!

Я носился по полю и орал: «Это потрясающе!», и уломал Анджелу носиться вместе со мной по базам. Мы бегали от базы к базе и смеялись как дети, и никто не мог нас остано-

вить. Я оббежал третью базу и в подкате приземлился возле основной. Мне потребовалась минута, чтобы прийти в себя после столь потрясающего маневра. Я медленно встал, отряхнулся и увидел этот круг на поле. Он был сделан из толстой тяжелой резины, и на нем был огромный логотип «Янкиз» – бита с кепкой. Я решил, что он прекрасно будет смотреться в нашей студии в городе Йонкерс перед моим усилителем, и я смог бы, стоя на нем, записывать все свои гитарные партии, демонстрируя тем самым свою преданность «Янкиз».

«Мне нужна эта хрень!» – промямлил я, понятия не имея, как притащу почти стокилограммовый кусок резины в аэропорт, а потом в самолет в Нью-Йорк. Я поднял его с одной стороны, но он был настолько тяжелым, что я смог лишь наполовину поднять его от земли. Я пытался его свернуть. Трава была влажная, и я поскальзывался и падал. Я несколько минут боролся с этой штуковиной, но руки устали, я сдался и оставил ее в покое.

«Валим отсюда», – сказал я. Мы вышли, и возле припаркованной тачки Хезер я заметил мигающие огоньки ждавшей нас полицейской машины. Я был настолько пьян, что совершенно не чувствовал нашей вины. А что мы сделали? Немного пробежались по базам. Ничего же не сломали. И я ничего не украл.

Мне как-то и в голову не пришло, что, может быть, стоило перелезть через другой забор и съехать оттуда. Но нет – мы

вышли через главный вход. Ворота, через которые мы перелезли, были открыты. Там стояли гольф-карты, охранники и три полицейских тачки. Хезер сидела на обочине. Мы вышли, я помахал ей и, широко улыбаясь, сказал: «Привет». Коп схватил меня, швырнул на капот машины, заломил руки за спину и надел браслеты. Затем схватил Анджелу и тоже надел ей наручники. Я был в шоке и спросил:

– Какого черта?!

– Ебало завали, – рявкнул коп.

– А что такое? – протестовал я. – Я ведь ничего не сделал.

Коп швырнул меня на обочину и сказал:

– Серьезно? А кто влез на территорию стадиона, приду-рок? Хочешь сесть за воровство?!

– Воровство? Я же ничего не брал.

Затем один из полицейских сказал мне, что у них есть запись, на которой я пытаюсь стащить круг.

Я еще не протрезвел, поэтому был достаточно смел и сказал: «Ну да, но я же ведь не украл! Я оставил его там! Я выпишу чек, дам бабки. Скажите, сколько он стоит. Я дам столько, сколько нужно, и можете оставить его себе!»

Копы рассмеялись и ушли. Совершенно обескураженный, я сидел в наручниках. Я посмотрел на Анджелу, а она лишь сказала: «Блядь, у нас большие неприятности».

Хезер не арестовали, потому что на территорию стадиона она так и не зашла. Ее отпустили домой. Она сказала, что разбудит Эда и нам найдут адвоката. И уехала.

Мы с Анджелой сидели, не зная, что делать, как вдруг один из полицейских подошел ко мне и сказал:

– Слушай, а ты разве не тот парень из группы Anthrax?

– Да, да, это я! – Иногда неприятно, когда узнают на людях. Это было послание свыше.

– Ты че творишь, чувак? – спросил он.

Я объяснил, что я – дикий фанат «Янкиз», нажрался и хотел посмотреть стадион, поскольку слышал, что там стоит памятник Турману Мансону. Слово за слово, решил оббежать базы. «Можешь как-нибудь меня отмазать? Меня ни разу в жизни не арестовывали».

Он сказал, посмотрит, что можно сделать. Поговорил с остальными копами. Одна из машин уехала. Я решил, что это хороший знак. Мой коп разговаривал с охранниками стадиона. Через двадцать минут парни из стадиона уехали на своих гольф-картах. «Да! Давай, дружище!» – подумал я про себя. Я решил, что он вытащил нас из этого дерьма и в знак благодарности я отправлю ему кучу нашего мерча. Затем вернулся охранник. Хороший коп подошел ко мне и сказал: «Ладно, есть хорошая новость и плохая. С какой начать?»

– Плохая?

– Я поговорил с коллегами, и они не против, чтобы я отвез тебя к другу. Им до тебя нет никакого дела. Меньше бумажной волокиты. Я сказал им, что ты в группе играешь.

– И это плохая новость? Что ты меня отпускаешь?

– Нет, – объяснил он. – Охранник стадиона сказал, что

вынужден позвонить менеджменту. Они не могут все просто так оставить.

А вот и плохая новость. Они позвонили владельцу «Янкиз» Джорджу Штейнбреннеру, который жил в Тампе. Было пять часов утра, и если вам известен этот человек, он тот еще скряга. Не просто так его прозвали Генералом, *Фюрером* и Кайзером. У меня душа в пятки ушла. Не с тем я, блядь, связался. Штейнбреннеру сказали, что я гитарист популярной группы и просто прикалывался, а бывший владелец «Янкиз» сказал: «Да мне насрать, кто он. Все равно на нары сядет».

Я сказал своему копу, в которого быстро терял веру: «Ладно, а хорошая-то новость какая? Можешь нас где-нибудь посадить, а потом мы все уладим?»

«Нет, не могу, – ответил он. – Все уже в протоколе. У меня будут большие неприятности. Уже звонили копам, и составлен акт. Ты под арестом».

До того момента это был словно дурной сон, и вдруг, когда алкоголь начал выветриваться, я пришел в себя. Ничего хорошего я пока не услышал. А потом коп объяснил, почему мне повезло. Он должен был отвезти меня в центр и посадить за решетку с тридцатью психами – от маньяков до насильников. Фактически он говорил: «Вы с этой симпатичной девахой сядете в клетку с жесткими преступниками, и, если фартанет, тебя только выебут в жопу».

«Послушай, я не собираюсь везти тебя в центр», – сказал

он. Это и была хорошая новость. Он отвез нас в какой-то крошечный городок в захолустье Хиллсбро Каунти, где находился вытрезвитель и все отсыпались после вождения в нетрезвом состоянии. Место напоминало школьную столовую со столами и стульями, где в отрубе лежали несколько с виду безобидных чуваков. Нас оформили, и, несмотря на то что это все же было лучше тюрьмы, там было отвратительно. Работники вытрезвителя плевать хотели, кто ты и как тебя зовут, да оно и понятно. Может быть, если бы они были фэнами Anthrax, им было бы не все равно, но никто из тех, с кем я разговаривал, понятия не имел, кто такие Anthrax. Для них я был очередным нарушителем. Коп, который нас туда привез, пожелал нам удачи и уехал.

Я сидел там некоторое время, а потом меня привели в офис, взяли отпечатки пальцев и сделали фото. Попросили раздеться и дали оранжевый комбинезон с надписью: «Тюрьма округа Хиллсбро» на спине. Анджеле дали такой же, и про нас будто забыли.

«Когда можно будет позвонить? Как внести залог? Что делать?» – спросил я. Тишина. Я не знал, что делать, и никто со мной не разговаривал. Наконец одна милая леди сказала: «Да дадут тебе позвонить». Она сказала, что в тюрьме есть телефон и заключенные могут пользоваться им в любое время, но при условии, что звонок будет за счет получателя. Я ее поблагодарил. Поклялся ей, что меня никогда не арестовывали и я не засранец. Я лишь хотел вернуться домой. Но

она считала, что и так сболтнула лишнего.

Дело в том, что они такое каждый день слышат, поэтому даже не реагируют. Мне стало жаль Анджелу. Ведь я втянул ее в это дерьмо. Ей этот Турман Мансон на хер не сдался, а теперь из-за меня, мудака, она за решеткой. Я еще раз извинился. Она не злилась. «Ты не виноват. Не надо было идти, – сказала она. – Сама носилась, как идиотка».

На часах было уже 6:30 утра, и я решил позвонить отцу. Еще до того, как он услышал мой голос, ему сказали: «Вам звонят из исправительного учреждения. Согласны на платный звонок?» Я чувствовал, что известие его немного потрясло. Он сказал: «Алло?»

– Пап, это я...

– Скотт?!

Затем тот голос снова сказал: «Вы согласны оплатить звонок?» Отец принял звонок, и я объяснил, что сижу в тюрьме Тампы. Сказал, что мне нужен адвокат, чтобы заполнить кучу бумаг или выйти под залог, и это нужно сделать до 11 утра, иначе я застряну здесь еще на день.

Он спросил, почему меня арестовали, и я сказал, что влез на территорию бейсбольного стадиона.

– Тебе сколько лет? – спросил он.

– Пап, мне нужно заполнить бумаги и...

– *Лет тебе сколько?* – повторил он.

Я вздохнул:

– Тридцать четыре, сам знаешь.

– Может быть, пора уже взяться за ум? – сказал он. Но он согласился тут же позвонить своему адвокату. Оказалось, что в этом не было необходимости, потому что Хезер вернулась домой к Эду, разбудила его и сказала, что нас арестовали. Поэтому Эд уже успел собрать нужные бумаги и внести залог. Когда я поговорил с отцом, Анджела позвонила сестре, и Хезер сказала, что к 11:30 нас выпустят.

Прежде чем мы ушли, нам сделали прививки от туберкулеза, потому что в тюрьме была эпидемия, и если бы нам не сделали прививки, никто не давал нам гарантий, что мы не заболеем. Поняв, что выхожу на свободу, я стал вести себя дерзко и самоуверенно. Я сказал, что никакие прививки делать не собираюсь. Медсестра объяснила: если не сделаю прививку, буду торчать здесь как минимум еще один день. Нам сделали прививки. Вскоре после этого у меня скрутило желудок. Не знаю, что это было: реакция на лекарство, невероятное количество бухла в моем организме или же просто стресс, который я испытывал с момента ареста, но я понял, что мне срочно нужно посрать – нужно было высрать все это дерьмо. Но никаких сортиров я не видел, за исключением одного в середине комнаты прямо у всех на виду. Тихонечко попердывая, я доковылял до медпункта, где мне сделали прививку, поскольку мне показалось, что там был туалет. Дверь была открыта. Я увидел сортир. Слава тебе, господи!!!

Я сказал крупной пожилой женщине-медсестре, что мне нужно воспользоваться туалетом. Я вежливо спросил, мож-

но ли зайти.

— Туда иди! — сказала она, указав на запачканный обосанный сортир в главной комнате.

— Нет, я для этого сюда и пришел, — простонал я. — Можно мне в этот, чтобы никто не смущал?

Она просверлила меня взглядом и отрезала: «Да хрена тебе лысого! Этот туалет для персонала».

Я вернулся и сел рядом с Анджелой. Я ничего ей не сказал. Вместо этого я испытал силу воли, достойную «Оскара». Я старался отвлекаться, чтобы не обоссаться прямо там, и проявил запредельный уровень собранности. Не собирался я садиться на этот грязный сральник перед толпой людей, некоторые из которых были фэнами Anthrax и подметали в тюрьме. Эти парни были заключенными, которые должны каждый день чистить камеры алкашей. Они слышали, что я здесь, и были рады взглянуть одним глазком, улыбнуться и кивнуть. Не мог же я просто взять и посрать перед ними. Я три ебучих часа сидел со сжатыми ягодицами и свернутым в узел желудком. Боль была невыносимой, но я и виду не подавал.

Наконец в 11 часов утра назвали наши имена и вывели на улицу. Нас ждали Эд с Хезер. Они спросили, что нам нужно, и я реально хотел вернуться домой к Эду, принять душ и что-нибудь сожрать. К тому моменту уже все раструбили. Эд включил радио «98 Рок» в Тампе, и я слышал голос диджея: «Скотт Ян, если ты в городе, позвони нам. Мы хотим знать,

что произошло».

Я чуть на месте не обоссался, но сдержался и не сказал ни слова. Мы вернулись к Эду, и я тут же пошел в ванную комнату, включил душ, сел на чистый сияющий стульчак и навалил огромную кучу дерьма. Удивительно, что унитаз не взорвался и дерьмо не полилось через край. Из меня все вылилось; это было невероятное облегчение. Мне стало гораздо лучше, и я поехал в студию Universal разведать обстановку. Меньше всего я ожидал, что на меня начнут показывать пальцем и орать: «Эй, ты спиздил фирменный круг!», но слухи разлетаются быстро.

Я позже расскажу, как очистил свое имя и уладил вопросы с Джорджем Штейнбреннером. Всему свое время. Только заметьте, тот случай со стадионом был для меня аномалией. Это был мой первый и, безусловно, последний арест. Я никогда не пытался привлечь к себе внимание и не был металлюгой-торчком, которому жить надоело. У меня хватает таких друзей, и мне нравится с ними выпивать и слушать их истории. Но я не такой. Я никогда не ширялся, не нюхал кокс, а с 1995 года не курю травку.

Я занялся музыкой не ради телок. А ради музыки. Конечно, были и телки, но не так, как у глэмеров 1980-х. Очень долгое время трэш слушали только чуваки, и если на концертах были телки, обычно их притаскивали парни. По сути, я сделал себе имя, вкалывая в поте лица. Да, было немало взлетов и падений, но Anthrax выстояли. Нам воздалось за

наши старания, и вместе с Metallica, Slayer и Megadeth мы вошли в «Большую четверку». Но, несмотря на огромное уважение к каждому из ребят, моя история совершенно другая. У меня нет трагичных историй о насилии; о том, как меня бросили предки; как я спал на улицах и выбирал между очередной дозой и возможностью пожрать либо ввязывался в драки между бандами и разбивал о голову пустую «литрушку». Как говорит мама, в душе я хороший еврейский мальчик.

Я вырос в Куинсе, штат Нью-Йорк, хорошо учился и был помешан на комиксах, ужастиках и научной фантастике. Затем открыл для себя рок-н-ролл, и все изменилось. В этом плане я был похож на многих подающих надежды музыкантов, но во мне всегда была неугасимая энергия. С тринадцати лет я поставил себе цель найти музыкантов, с которыми бы играл, сочинял песни; цель подписать контракт, выступать и расти, расти, расти. Я был чертовски настойчивым, живучим и стойким засранцем. Каждый раз, видя преграду на пути, я использовал свой лазерный фокус, чтобы понять, как обойти проблему и двигаться дальше. Преодолевать трудности, справляться с переменами. Вокалисты и гитаристы приходили и уходили, а иногда и возвращались. Я продолжал заниматься своим делом. Моя история в Anthrax – история о целеустремленности, преданности, а иногда – удачах и невезении. История полна триумфов и трудностей, но одной драмой и борьбой не ограничивается. Я от души повесе-

лился и понял, что музыкальный бизнес – самая безумная и непредсказуемая сфера на планете. Случиться может абсолютно все что угодно. Имея за плечами более чем тридцатилетний опыт гастролей и работы в студии, я собрал огромное количество веселых и поразительных случаев, касающихся моей группы, друзей, коллег и тех, кого встретил на жизненном пути с момента, когда впервые взял в руки акустическую гитару, и до выхода на сцену стадиона «Янкиз» на фестивале «Большой четверки». Когда дело касается Anthrax, я веду себя как настоящий мужик, и вот моя история.

Глава 1

Совсем мальчишка

Наступил последний день 1963 года. В 7 утра в больнице Ямайки⁶, Куинс⁷, я появился на свет. Начало многообещающее. Как ни странно, именно там находился легендарный «Дом Музыки», где творили историю Anthrax, Metallica и другие группы, сочиняя и репетируя свои самые первые трэш-песни. Парни из Metallica даже некоторое время там жили. О, это были те еще трущобы. Приехав туда с Anthrax, я думал: «Боже, это же настоящий притон. Наверное, когда здесь жили мои предки, все было иначе». А может быть, и не было, и это лишь одна из трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Их, если что, было предостаточно.

Жизнь у предков была не сахар. Они были эмигрантами во втором поколении, и когда я был подростком, отец, Герберт Розенфельд, работал в ювелирном бизнесе, а мама, Барбара Хаар, занималась домом. Наверное, это одна из причин, почему мама была так несчастна. Не хотела она вести хозяйство. Она была не создана для этого, и ей не хватало терпе-

⁶ Крупнейший и наиболее густонаселенный район в центральной части боро Куинс, Нью-Йорк.

⁷ Самое большое по территории (280 км²) и второе по населению боро Нью-Йорка. Расположено на острове Лонг-Айленд и омывается Атлантическим океаном. Это самая неоднородная по этническому составу часть города.

ния. Предки родом из рабочего класса и поженились совсем молодыми. Дед, Харольд Розенфельд, родился в 1908 году в Вустере, штат Массачусетс, а бабушка Сильвия родилась в 1912-м в Манхэттене. Они познакомились на южном берегу Бруклина, когда дед водил фургончик с мороженым «Хорошее настроение». Поженились они в 1938 году, и все лето он работал. Еще до рождения моих дяди и тети бабушка с дедушкой каждую зиму ездили на «Форде» во Флориду и жили там на деньги, заработанные дедом, – все равно что отпуск.

Отец со своей сестрой росли в четырехэтажном доме без лифта. Денег у них не было, даже когда дед устроился продавцом обуви, чтобы заработать лишнюю копейку. Он был трудягой, но роскошь они себе позволить не могли, и дед записывал в дневник каждый потраченный пенни.

Лена, бабушка по маминой линии, была из России, а ее муж, Мо, родился в 1902 году в крошечной польской деревушке Ниско, которой больше нет на карте. Во время Первой мировой войны немцы оккупировали деревню и начали истреблять мужское население. И когда дедушке было семнадцать, родители тайком вывезли его из страны. Он жил в Амстердаме с семьей, которая взяла его на работу бакалейщиком. Как только он накопил достаточно денег, чтобы купить липовое удостоверение личности, он «зайцем» проник на корабль до Нью-Йорка и плыл до острова Эллис. Он сошел с корабля и прождал в очереди с остальными беженцами, но когда на иммиграционном контроле увидели, что докумен-

ты липовые, его развернули и отправили на корабле обратно в Амстердам. Еще около полугода он работал, чтобы сделать нужные документы. Затем сел на другой корабль, вернулся в Нью-Йорк, и на этот раз въезд одобрили.

Дед Мо был умным, но бедным как церковная мышь. Он поехал в Нижний Ист-Сайд, где располагалась еврейская община и в какой-то степени все держались вместе, – там он устроился бакалейщиком. Он вкалывал как ненормальный и быстро поднялся по карьерной лестнице. Почти в 20 лет у него уже был собственный продуктовый магазин на полуострове Рокэвей⁸, и когда он заработал достаточно денег, перевез родителей. Они были строгими православными евреями, и для моей мамы это было странно, потому что она выросла в Куинсе, а в ее семье никто не был помешан на религии. На Рождество в доме у мамы даже была елка, пока не поселились бабушка с дедушкой. А потом вдруг мама оказалась под одной крышей с родителями своего отца, которые разговаривали только на идише и даже не пытались говорить на английском. Они были убежденными евреями. Они ненавидели жену Мо и мою маму, поскольку считали, что Мо достоин лучшего. И к детям относились плохо. Когда они вконец помешались на религии, мама решила, что с нее довольно, и попыталась сбежать, но ее всегда догоняли и приводили домой, а потом дед бил ее ремнем.

Тогда время было другое. Раньше за плохое поведение де-

⁸ Полуостров на юге боро Куинс, Нью-Йорк, в составе Лонг-Айленда.

тей били. И это считалось нормой. Мне сложно в это поверить, потому что мои бабушка с дедушкой в нас с братом Джейсоном души не чаяли, но папе с мамой в детстве прилично доставалось. Отец однажды рассказал мне, как в детстве орал на друга, свесившись из окна. Его мать настолько обезумела, что схватила его, перевернула вниз головой и, держа за подмышки, высунула из окна четвертого этажа. А спалив дядю за кражей сигарет, бабушка приггла ему руку на раскаленной плите. Когда дело касалось дисциплины, особо не церемонились. Никаких поощрений. Как говорится, пожалеешь розгу – испортишь ребенка.

Несмотря на сложное воспитание, родители не стали отрываться на нас с Джейсоном. Они были против насилия. Может быть, раз в сто лет, когда один из нас реально перегибал палку, нам прилетало. Но в детстве мне хватало повышенного голоса отца, чтобы испугаться до усрачки. Я бы с радостью сказал, что жизнь дома была уравновешенной, но это не так. Когда родители поженились, отцу было 22, а маме – 20, и она уже была беременна мной. Они не планировали ребенка, но раньше в таком случае женщина выходила замуж. В приличных еврейских семьях аборт не делали. Это было неслыханно – так что мне повезло!

Вскоре после моего рождения мама стала изменять отцу с мужчиной, который был любовью всей ее жизни, но отверг ее – звали его Ленни Хомский, и об этом узнал отец. Они на некоторое время разошлись. Мама начала сильно пить, а ее

отец, Мо, пристыдил ее, заставив просить у папы прощения. Папа принял ее извинения, и они снова сошлись. Произошло это в 1964 году, разводиться было не принято. Лучше бы они порвали друг с другом. Мне кажется, их брак с самого начала был обречен.

Когда мне было три года, мы переехали во Флориду, потому что отца несправедливо обвинили в краже бриллиантов в компании, где он работал – «Ювелирной Гарри Уинстона». Он провалил тест на полиграфе, потому что отец непригоден для тестирования – он бы все равно его завалил, – поэтому его уволили, хотя он ничего не украл и никто ничего не видел. Ему поступило другое предложение, от семьи из Флориды, работать в «Ювелирной Майера» в Майами, чинить и калибровать кольца. Родители думали, смена обстановки пойдет семье на пользу. Я почти совсем не помню время во Флориде, за исключением первого яркого воспоминания в июле 1966 года.

Может быть, это было предвестием проблем, которые обрушились на нашу семью. Ладно, ничего драматичного. Меня ужалила пчела. Аллергии не было, но боль была адская, и я никогда не забуду тот день. Мы жили в многоквартирном доме, и сзади были стеклянные раздвижные двери на улицу. Рядом с бассейном была травянистая лужайка, и я гулял босиком по траве. Пчела сидела на клевере, и я наступил прямо на него. Она ужалила меня не сразу. Она взлетела, и я побежал. Помню, думал: «Сейчас прыгну в бассейн, и она меня

не достанет», но не успел, и пчела ужалила меня прямо в ухо. Я чуть не оглох и тут же закричал, потому что почувствовал шум и боль в ухе. С тех пор я на всю жизнь возненавидел различных жалящих насекомых. Ненавижу пауков, а когда вижу осу, хочется ее убить. Пчел я стараюсь избегать. К счастью, жало выдавили и ничего серьезного с ухом не случилось, потому что барабанная перепонка осталась цела. Ухо опухло и ужасно болело.

Мама ненавидела Флориду и рвалась вернуться в Нью-Йорк. А отцу нравилось. Но судьба распорядилась так, что кто-то в компании отца украл несколько драгоценностей, и босс заставил всех пройти проверку на полиграфе. Отец объяснил, что произошло в Нью-Йорке. Однако его все равно проверили, и, естественно, он снова завалил тест, поэтому босс – он работал на мафию, покупавшую и продававшую элитные драгоценности – уволил отца и сказал: если узнает, что папа вор, скормит рыбам. Отец был возмущен и ушел, хлопнув дверью. Позже его босс узнал, что брюлики украли его секретарша и ее дочь, сидевшие на тяжелой наркоте. Но отец его так и не простил.

Как только папу уволили, он вернулся в Нью-Йорк, и девять месяцев маме пришлось работать в булочной, чтобы помогать оплачивать счета. Отец устроился на другую работу, оценщиком в ювелирный бизнес братьев Джимбел, а затем стал менеджером производственного отдела и скупщиком камней в компании Аарона Перкиса. До богатства по-

прежнему было далеко, но, по крайней мере, появилась хоть какая-то прибыль.

Отец лез из кожи вон, чтобы сделать мать счастливой, но она всегда находила причину для недовольства. Тогда я впервые заметил, что родителям не нравится быть вместе. Когда мне исполнилось четыре или пять, мама казалась странной и отчужденной. Она делала все, что должна была делать мать, заботившаяся о двух детях, но даже в том возрасте я видел, что радости она не испытывала. Став старше, я понял, что она не хотела быть домохозяйкой и ей не нравилось проводить время с отцом. А потом я понял, что она пила.

Я знал лишь, что в доме был алкоголь. Она налегала на шотландский виски, и это было ее проблемой. Позже я узнал, что она еще и таблетки принимала – метаквалон, валиум, таблетки для похудения. Все, на что могла достать рецепт, лишь бы забыться. Она была жалкой, потому что никогда не хотела быть с отцом. Она хотела быть с Ленни Хомским, но ради семьи приходилось идти на компромисс. Отцу, конечно, не позавидуешь. Мне было четыре года, и пока мне не исполнилось одиннадцать и родители не разошлись, в доме всегда чувствовалось напряжение. Сомневаюсь, что они когда-нибудь друг друга любили. Но почему-то они решили, что второй ребенок улучшит их отношения, и спустя три с половиной года после моего рождения мама родила Джейсона, за которого я стал нести ответственность, и все детство

он был моей правой рукой.

Несмотря на то что с мамой было сложно, были и светлые моменты. Когда мне было четыре года, она читала мне журналы MAD⁹. В детстве у нее были все выпуски, но моя бабушка убирала у нее в комнате и выбрасывала их. Кто знает, сколько бы они сегодня стоили.

Еще мама очень любила фильмы ужасов. Ей нравились ужастики. В Нью-Йорке утром по субботам и воскресеньям местный канал WPIX показывал «Жуткий театр», а по WNYC можно было увидеть ужастики. И часто вместо мультиков в субботу утром мы с мамой смотрели ужастики. В основном это были старые черно-белые фильмы про монстров компании Universal – «Франкенштейн», «Человек-волк», «Дракула», и мне они нравились еще с четырех или пяти лет.

Когда вышел фильм «Нечто», мама сказала: «В моем детстве это был самый страшный и жуткий фильм. Все его боялись». Мы начали его смотреть, и я готовился подпрыгнуть и бежать из комнаты в страхе – только он был совсем не страшный. Я сказал: «Мам, похоже на ходячий овощ. Как это может напугать? “Человек-волк” гораздо страшнее», а мама ответила: «Скотт, в 1950-х это было страшно».

Дело в том, что меня ужастики никогда не пугали. Мне они нравились и до сих пор нравятся, но я всегда знал, что

⁹ Американский сатирический журнал, основанный в 1952 году редактором Харви Курцманом и издателем Уильямом Гейнсом.

все это не по-настоящему. Меня и сегодня фильмы не пугают. Хотя книги иногда пугают до усрачки, потому что все действия и диалоги происходят в голове. Это совершенно другая реальность. Ты создаешь собственные образы, и когда случается что-нибудь ужасное, по телу проходит дрожь и душа в пятки уходит. Поэтому Стивен Кинг всегда был одним из моих любимых писателей. «Сияние» напугало меня до такой степени, что я до сих пор не могу идти по коридору отеля без мысли о том, что меня схватят какие-нибудь жуткие призраки-близнецы.

Раз уж на то пошло, в классических фильмах я чувствовал эмоциональную связь с монстрами. Только не с Джейсоном из «Пятницы, 13-е» или Майклом Майерсом из «Хэллоуин» – они были безмозглыми бессмертными психопатами. И, конечно же, охренительными. Но монстр Франкенштейна очень грустный. Он уже был мертвым, его воскресили, а потом он преследовал и всех ненавидел, и он уродливый и страшный. Он всего лишь хочет, чтобы его оставили в покое, а его все доебывают и издеваются. Мне всегда было жалко таких монстров. Лон Чейни-младший в фильме «Человек-волк» вызывал такие эмоции в гриме или без него. Он играл Ларри Тальбота, на которого в полнолуние нападает оборотень, и Ларри его убивает, но в драке оборотень успевает его укусить, поэтому Ларри становится оборотнем и каждое полнолуние сам превращается в волка. Он вызывает столько сочувствия, потому что не заслужил такой судь-

бы. Он не хотел убивать людей, будучи человеком-волком, он себя совершенно не контролировал. С Дракулой совсем другая история. Его было не жалко – он был вампиром и пил кровь. Дракула был моим самым нелюбимым персонажем из фильмов компании Universal.

Мы тогда об этом не знали, но на психологическом уровне мы с братом больше симпатизировали персонажам, которым в жизни пришлось несладко. В детстве мы как могли пытались отгородиться от недовольства родителей. Как и Франкенштейн, мы лишь хотели, чтобы нас оставили в покое.

Мы жили на Бэйсайде, Куинс, в Бэй-Террас¹⁰, пока мне не исполнилось восемь. Это была еврейская часть города, где жила верхушка среднего класса и богачи. Мы-то, разумеется, к ним никакого отношения не имели. Мы жили на бульваре Белл в доме на две семьи. Мы жили с одной стороны, а с другой – вторая семья. Но прямо в конце улицы громоздились гигантские особняки. И зимой мы брали лопаты для уборки снега, шли и предлагали за 20 баксов почистить подъездную дорожку. Мы нехило наживались – по меркам детей пред-подросткового возраста. У меня была куча друзей в том и соседнем районах. Все друг друга знали. В остальной части Бэйсайда жили ирландцы, итальянцы, немцы и там были все, от низшего среднего класса до несметно богатых.

Примерно в 1972 году мы уехали из Куинса, и я очень расстроился, потому что сразу же после третьего класса уехал

¹⁰ Окрестность в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк.

от всех друзей. Мы перебрались в Сифорд, Лонг-Айленд, и в четвертый класс я пошел в новую школу. Да, мне было хреново, но маме было куда хуже. У отца были добрые намерения. Мы снимали дом в Куинсе, и вдруг папа смог позволить себе купить дом в Лонг-Айленде, поэтому мы следовали за американской мечтой. У нас был задний дворик и подъездная дорожка к дому. Но мама еще больше чем я, не хотела уезжать из Куинса и оставлять друзей. Отец хотел, чтобы она сменила обстановку и могла бы стать счастливее. Но вышло только хуже. В Сифорде она впала в глубокую депрессию, и вот тогда ее жизнь превратилась в настоящий мрак. Она не была мамой из «Степфордских жен». Она стала больше выпивать, пить больше таблеток, и ее даже начали посещать мысли о суициде. Я прекрасно помню, как она устраивала истерики, плакала или кричала на нас с братом. Она срывалась и слетала с катушек, и мы старались не действовать ей на нервы. Иногда, каким бы я заботливым ни был, а я действительно был заботливым и деликатным засранцем, она выходила из себя, и я попадал под раздачу и потом буквально бежал со всех ног. Помню эти дивные моменты, когда она кричала на меня за что-нибудь, а я разворачивался и драпал от нее из гостиной в коридор, надеясь скрыться в своей комнате, и однажды получил по спине чем-то тяжелым. Ноги разъехались, и я упал, но успел подставить руки, чтобы смягчить падение. Я быстро встал, хватаясь за спину, пытаюсь понять, что это было, и увидел, как в конце коридо-

ра стоит мама и плачет. Я тоже плакал, спина жутко болела, и я понял, что мама в меня чем-то кинула. Она вопила в истерике и извинялась, и на полу я увидел разбитую керамическую кофейную чашку (ее давали в подарок, если покупал на 5 баксов). Я просто добежал до своей комнаты и захлопнул дверь. Мама держалась в стороне, и я избегал ее, пока не пришел отец и мы не сели ужинать. Она обо всем рассказала отцу, и ее мучила совесть, а позже тем же вечером, после того как мы с Джейсоном легли спать, разговор перерос в очередной громкий скандал. Физически я был в норме; но психика была на грани, и сегодня я понимаю, что, вероятно, это была причина свалить из сраного дома и перестать трепать себе нервы.

В Сифорде мы с Джейсоном большую часть времени проводили в подвале с игрушечными фигурками, читали комиксы и прятались от родителей, которые вечно собачились. Подвал был нашей Крепостью Уединения, нашим Убежищем. Мама выглядела жалкой и безумной, вечно срывалась, а отец целыми днями торчал на работе. Потом был ужин в напряженной обстановке, и мы с братом играли и шли спать. С 1973-го по 1975-й, – когда родители наконец разошлись и мы с мамой и братом вернулись в Куинс, – был самый спокойный период моего детства. Дети, с которыми я зависал, когда ушел из дома, были моими ровесниками и немного старше. А некоторые пятиклассники уже начинали выпивать, курить травку и гулять допоздна по пятницам и суббо-

там. Я был для этого слишком мал. Однажды я пошел с ними, и молодые ребята пили «отвертку» – апельсиновый напиток и дерьмовую водку. Я попробовал, и у нее был ужасный вкус. Но десятилетние и одиннадцатилетние пацаны нажирались с этого дерьма каждую неделю.

Они спрашивали: «Идешь с нами?», и я обычно отвечал: «Не-е-е». Некоторые из них говорили: «Перестань быть ребенком. А что ты будешь делать? Домой пойдешь, в солдатиков своих играть?»

Я не хотел признаваться, но так и было. В этом сказочном мире я забывался, потому что вокруг творились хаос и бедлам. Дети нажирались, а я к этому был еще не готов. А дома родители постоянно орали друг на друга, и мама швыряла стаканы и посуду. В подвале с братом я чувствовал себя гораздо спокойнее и безопаснее.

Разумеется, родители нас любили, но поощрений и нежностей не было. Отец работал в городе, даже когда они с мамой жили вместе. Поэтому мы видели его только за ужином и по выходным. А мама сидела дома и съезжала с катушек, когда мы возвращались из школы. Иногда она напивалась, злилась и кричала, жалуясь на жизнь, и винила во всем нас. Иногда у нее начинались приступы гнева, и она швыряла наши игрушки. У нас была кабинка с Джо Аполлоном. То ли я, то ли брат в очередной раз чем-то не угодили маме, и она закричала: «Придет отец и вам задаст!» Потом взяла мою игрушку и швырнула в стену в гостиной; кабинка Джо разби-

лась в дребезги.

«Новую мне, блядь, купишь, – подумал я про себя. – Ты сломала моего Джо!»

Глава 2

Главное – музыка

В доме было спокойно, только когда родители слушали музыку. Никто из семьи не зарабатывал музыкой на жизнь, но папа в какой-то момент в 1950-х пел «ду-уоп» на улице вместе с Полом Саймоном и Артом Гарфанкелем (до того, как они стали дуэтом Simon & Garfunkel), которые ходили в ту же школу, что и мой отец. У предков были записи вроде саундтрека к фестивалю «Вудсток», Нила Даймонда, Элтона Джона, Кэрола Кинга, братьев Дуби, Боба Дилана и Команды. Мне все это нравилось, но агрессивную музыку я открыл для себя только в семь, когда услышал Black Sabbath.

Дядя Митчелл, младший брат папы, был старше меня всего на десять лет, и я считал его крутейшим чуваком в мире. Когда мне было шесть или семь, мы приезжали в дом к бабушке с дедушкой, и я тут же шел в комнату дяди. У него были постеры Led Zeppelin и других рок-групп, крутые ультрафиолетовые постеры, большая коллекция винилов и куча комиксов. Я сидел, часами разглядывал его пластинки и думал про себя: «Это лучшее место на земле. Когда буду подростком, тоже буду собирать».

Однажды я просматривал его коллекцию – Beatles, Дилана, Rolling Stones – и увидел первый альбом Black Sabbath. Я

посмотрел на обложку и подумал: «Что это?» В лесу стояла жуткая ведьма. Я спросил у Митча: «На что я вообще смотрю?», и он сказал: «Это Black Sabbath. ЛСД-рок». Я спросил: «А что такое ЛСД-рок?» Я понятия не имел, что такое ЛСД. И никто эту музыку «хеви-металом» не называл.

Он поставил пластинку. Начинается со звуков дождя и громкого зловещего колокольного звона. Потом вступает жуткий тяжелый гитарный рифф Тони Айомми, который, как я потом узнал, был первым известным тритоном в роке. Разумеется, я испугался – и пребывал в восторге. На меня смотрели постеры с черными пантерами с сияющими глазами и тарасились зловещие колдуны. А потом этот парень с гнусавым голосом ведьмака начал петь о Сатане и душераздирающим криком просить бога о помощи. Я не понимал, что происходит, но хотел услышать больше.

У дяди Митча были тонны комиксов, и я приходил к нему в комнату, сидел и читал. Он открыл для меня великих героев Marvel и DC: Невероятного Халка, Фантастическую четверку, Человека-паука, Капитана Америку, Мстителей, Людей-Икс, Тора, Конана, Бэтмена, Супермена, Флэша, Лигу Справедливости. Я просто терялся в этих мирах, созданных Стэном Ли, Джеком Керби, Стивом Дитко, Нилом Адамсом, Джимом Стеранко и всеми великими писателями и художниками серебряного века. Тогда комиксы стоили 12 или 15 центов, поэтому каждую неделю я приходил в этот «магазин сладостей» и тратил все карманные бабки.

К счастью, когда мама впадала в бешенство, папа всегда был рядом со мной и братом. С отцом зависать было прикольно. У него, в отличие от мамы, был совершенно другой темперамент. Он был уравновешенным, добрым и спокойным. Он повышал голос, только если в этом была крайняя необходимость. Он был опорой, и я ему очень благодарен, поскольку он научил меня быть спокойным и справляться со стрессовыми ситуациями. Если бы отец был таким же нервным, как мать, я бы давно загремел в психушку. При любой возможности папа брал нас с Джейсоном кататься на лыжах и на бейсбол.

Мы начали ходить на старый «Янки-стэдиум» в 1972-м и потом видели несколько их игр. Это странно, потому что, живя в Куинсе, мы, по идее, должны болеть за «Метс»¹¹. Отец даже не был фанатом «Янкиз». Он болел за «Доджерс»¹². «Янкиз» как раз были его врагами. Наверное, поэтому я и стал болеть за «Янкиз». Надоело слушать о бруклинских «Доджерс», которые, конечно же, уже были «Доджерс» из Лос-Анджелеса, поэтому мне были близки соперники «Доджерс».

Все считают «Янкиз» командой мирового класса: они бы-

¹¹ Нью-Йорк Метс – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Восточном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола. Клуб базируется в Куинсе.

¹² Лос-Анджелес Доджерс – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Западном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола.

ли в Мировой серии¹³ сорок раз и выиграли 27 из них – больше, чем любая другая команда в Главной лиге бейсбола. Но когда я был мелким, «Янкиз» играли дерьмово. Они играли отвратительно до 1976 года. Но ходить на бейсбол было круто. Это был совершенно другой мир. При каждом ударе битой по мячу тысячи пришедших громко болели за команду в полосатой форме. Классная форма. У «Метс» были нелепые цвета. «Янкиз» обладали классом.

Мне не просто нравилось смотреть бейсбол. Мы с друзьями любили в него еще и играть. Начали со стикбола¹⁴, в который играли ручкой от метлы и теннисным мячом. Когда я учился в 169-й школе в Бэй-Террас, постоянно играл после уроков, и у меня неплохо получалось. Рядом было поле для стикбола, и на стене были нарисованы ворота. Поэтому я попал в Малую бейсбольную лигу, где играл несколько лет. Обычно играл на второй базе или между второй и третьей. Одной из моих ролевых моделей был Фредди Патек, игравший за «Канзас-Сити Ройалз», а ростом он был всего 168 см. Раньше среди спортсменов было полно низкорослых ребят, поэтому у меня была надежда.

Несмотря на всю значимость Black Sabbath в моей жизни, Элтон Джон оказал на меня в детстве огромное влияние. В

¹³ Решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола, право играть в которой сейчас имеют лучшие команды Американской и Национальной лиг.

¹⁴ Уличная игра, связанная с бейсболом, которая обычно формируется как игра в пикапы, в которую играют в крупных городах на северо-востоке США, особенно в Нью-Йорке и Филадельфии.

доме у нас были все его пластинки, и в 1974 году, до того как родители окончательно разошлись, мы всей семьей пошли на концерт в Колизее «Нассау» во время тура «Goodbye Yellow Brick Road». Во время выступления вырубилось электричество, но все равно было офигительно. Элтон постоянно менял костюмы, и я, смотря на него, понял, что можно развлекать толпу не только музыкой. Песни были отличные, но он был чересчур театральным и играл на публику. В 1975 году мы пошли на концерт Пола Саймона, и это тоже было круто.

Как это ни странно, многим моим друзьям было плевать на музыку. Их не интересовали тусовки и покупка пластинок. Им были интересны только бейсбол и комиксы, что мне, безусловно, тоже очень нравилось. Но я хотел еще глубже погрузиться в музыку. В доме у папы всегда была акустическая гитара. Он редко на ней играл. Полагаю, он знал около трех аккордов, но я знаю, она где-то валялась. Я видел по телевизору группу The Who. Я узнал их, потому что одни из лучших песен были на пластинке родителей «Вудсток». И вот я смотрю их выступление, и Пит Таусенд начинает вращать правой рукой как пропеллер. Выглядело очень круто, и вот тогда я спросил родителей про гитару и сказал: «Хочу так же. Можно я буду брать уроки?»

Предки были не против, но играть на электрогитаре мне не давали. Отец настаивал, чтобы я начинал с акустики, и если он увидит серьезные намерения, я перейду на электрическую. Играть на гитаре меня учил высокий патлатый парень

лет девятнадцати-двадцати. Звали его Рассел Александр, и я считал его крутейшим чуваком в мире. У него был «стратокастер»¹⁵, а у меня была идиотская акустика. Вскоре он сказал папе: «Скотт прибавляет. Ему реально нравится». Так и было. Я играл каждый день и учил основные аккорды. Я научился читать музыку, зажимать струны и освоил элементарную теорию. Спустя несколько месяцев Рассел начал давать мне домашнее задание. Я занимался раз в неделю, и приходилось практиковаться и писать аппликатуры, чего я терпеть не мог, потому что это было ужасно скучно. Я просто хотел играть.

Каждый раз, когда приходил Рассел, я говорил: «Научи меня играть “Whole Lotta Love”. Покажи, как играть “Pinball Wizard”». Я всего лишь хотел учить песни. Мне было плевать на гаммы, которые приходилось выписывать на бумаге. Он расстраивался и говорил: «Послушай, тебе для начала надо научиться...» Я отвечал: «Хочешь сказать, все ребята в группах знают эту хрень и разбираются в теории?»

– Да, знают, – сказал он.

– Не уверен, – ответил я со скептицизмом непослушного подростка. Да быть не могло, чтобы все эти крутые рок-звезды сидели и годами учили теорию.

¹⁵ Стратокастер – модель электрогитары, разработанная Джорджем Фуллертоном, Лео Фендером и Фредди Таваресом в 1954 году; выпускается до сих пор. Очень широко копируется, в результате чего название «стратокастер» или «страт» часто используют для обозначения любой гитары с теми же техническими особенностями, независимо от производителя.

Еще некоторое время я ходил к Расселу, и он научил меня играть несколько песен на акустике. В третьем классе на шоу талантов в начальной школе в Лонг-Айленде я сыграл «Blowin' In The Wind» Боба Дилана, песню Джима Кроче «Bad, Bad Leroy Brown» и песню Surfariis «Wipe Out». Только я, моя акустическая гитара и микрофон в аудитории. Все хлопали. Я был совсем пацаном. А что им делать? Освистывать? Но я идеально знал песни.

И когда я уже полгода играл на акустике, отец сдержал обещание. Отвел в музыкальный магазин в Куинсе на Юнион Тернпайк и купил подержанный Fender Telecaster Deluxe 1972 года. Гитара была кофейного цвета с черной накладкой. Жаль, ее больше нет – сегодня бы она стоила не меньше девяти кусков. Вероятно, я продал ее году в 1978-м, потому что очень хотел Fender Statocaster. Я тогда ни хрена в этом не смыслил, и внешне «Телекастер» мне не нравился. А «страты» выглядели круто, и гитары Les Paul тоже. Никто из моих любимых гитаристов на «теле» не играл. К тому же «страт» мне нравился формой. Он был более гладким и менее фолковым. Я скопил немного денег и вернулся в магазин, где мы приобрели «теле», и там был натуральный деревянный «страт», который я очень хотел. Поэтому я обменял свой «теле» и доплатил двести баксов. Вот так я приобрел новое оборудование, которым пользовался много лет – даже в годы становления Anthrax в начале 1980-х. Я всегда покупал и продавал оборудование, пытаясь достать больше, луч-

ше или выгоднее.

Купив первый «теле», я сказал предкам, что уроки мне больше не нужны. Я хотел учиться сам. Я достаточно смело заявил: «Не хочу звучать, как учитель. Хочу играть по-своему», поскольку боялся, что они заберут у меня гитару. Срабатало! Родители согласились предоставить мне свободу.

Я уже очень хорошо умел играть основные аккорды и на слух не жаловался, поэтому ставил записи и пытался врубиться в последовательность аккордов – я играл почти все партии, кроме соло. И я решил, что мне нужен усилитель по-лучше. У меня был мелкий Fender Deluxe. А я хотел Twin Reverb, потому что он был больше, но слишком дорогой. Я купил гитарный процессор, педаль Electro-Harmonix Big Muff. Подключил ее через Fender Deluxe и уверен, она звучала отвратительно, но тогда мне казалось, что я крут.

У отца в Лонг-Айленде жил двоюродный брат Эдди, который, как и Митч, был меня всего на 10–12 лет старше и находился километрах в трех от нас, поэтому я его часто видел. Он был байкером и жил в доме с кучкой других байкеров. В подвале у них было оборудование для репетиций с барабанной установкой и несколькими усилителями, и они спускались и играли. Когда мне было восемь или девять, я сидел с ними и наблюдал. У них были Les Paul, Gibson SG и «страты», «квакушки»¹⁶ и гитарные процессоры. Эти пат-

¹⁶ Педаль со звуковым эффектом, позволяющим динамически изменять тембр. Напоминает кваканье лягушки, потому так и называется.

латые бородачи в кожаных жилетках подключали гитары и зажигали. Ничего круче я не видел и еще больше захотел играть сам.

Мне нравились «Битлз», Элтон Джон и Саймон с Гарфанкелом, но для меня они, безусловно, были лишь развлечением, вроде комиксов или ужастиков. Лишь в сентябре 1975-го я услышал песню «Rock and Roll All Nite» с альбома KISS «Alive!» и подумал: «Боже мой, это нечто совершенно другое». Я полетел словно мотылек на огонек. Когда вышел альбом, мы ехали в нашем желтом микроавтобусе «Форд Торино», и песню крутили по радио. Исполнителей я не знал. Никто не объявлял, и KISS я никогда не слышал. Но к концу песни уже подпевал. Предки орала на меня, чтобы я заткнулся, потому что группу они не знали и звучало слишком громко. Мне было ужасно интересно, кто же это, но диджей объявил следующую песню. Я подумал: «Блин, так и не узнаю, кто это был! Это была лучшая песня, которую я слышал, и я не узнаю, кто ее исполнял!»

Потом, в канун Хэллоуина, я смотрел днем телек, щелкал все пять каналов, которые у нас были, и остановился на ток-шоу, гостями которого были четыре парня в гриме. Я понятия не имел, кто они и о чем говорили. А потом объявили: «А теперь свой хит с нового альбома KISS “Alive!” исполнят KISS с песней “Rock And Roll All Nite”». Очень странно, потому что мне, одиннадцатилетнему пареньку, совершенно не понравилось, как они выглядят. Я сказал Джейсону:

«Это глупо. Кем они себя возомнили? Выглядят как идиоты. И это группа? Почему они так выглядят?» Я просто не мог врубиться. Элтон Джон был вычурным и эпатажным, но не одевался, как на Хэллоуин. Ребята из The Who грим и обувь на платформе не носили.

Через секунду KISS начали играть ту песню, которую я услышал в машине по радио, и у меня челюсть отвисла. Я повернулся и сказал: «Нужно прямо сейчас пойти купить этот альбом! KISS, KISS, KISS, KISS!»

Уверен, четыре миллиона других одиннадцатилетних ребятшек в тот самый момент делали то же самое. Информация дошла в наш мозг, и мы вружились в происходящее. В этом был смысл. Мы были запрограммированы, вот и все. Я три года маниакально слушал KISS, с 1975-го по 1978-й. Мне и другая музыка нравилась, но те три года я был фанатом KISS.

Они были подобны богам. Остальные группы пели о славе, гастролях, телках. Led Zeppelin пели о том, каково быть знаменитым, гастролировать и трахать телок. Rolling Stones и блюзмены писали о том, что бабы – те еще сучки и жизнь трудна. Но я уже знал, насколько она могла быть трудной, а телок я для себя еще не открыл. KISS пели об эскапизме; о том, как улететь на другую планету и никогда не жалеть.

Вечер в 1975-м, когда предки усадили нас в доме на Лонг-Айленд, чтобы сказать, что они окончательно расходятся, был памятным для меня, как и первый аншлаг на концер-

те Anthrax. Они говорили: «Дело не в вас, ребята. Мы вас очень любим. Но вместе мы несчастливы и должны разойтись». Я испытал огромное чувство облегчения и, честно говоря, был счастлив. Джейсона лишь интересовало, кто будет давать нам на расходы. Но больше всего мы переживали, будем ли мы видеться с отцом. Однако я вздохнул полной грудью, зная, что больше предки не будут срать сутками напролет. Мы с мамой и Джейсоном переехали обратно в Куинс, буквально в шести кварталах от нашего прежнего дома. Лучше и быть не могло. Вдруг я пошел в седьмой класс со всеми своими друзьями из первого, второго и третьего классов. Лонг-Айленд был необычным другим миром, и теперь я был в городе, где знал всех вокруг! Мне было тринадцать, и я ездил в школу на автобусе, курил травку, бухал и слушал рок-н-ролл. Все изменилось к лучшему. Мама работала с девяти до пяти. Дома ее не было, поэтому я присматривал за братом. Мы были предоставлены сами себе. О большем нельзя и мечтать. Но я знал, что надо выбираться из этих трущоб. Я не хотел всю оставшуюся жизнь прожить в Куинсе. Я хотел сбежать и оставить след в истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.